

Музей Русской Культуры
в Сан-Франциско

Судьба одного знамени

Елена Иванникова, сотрудник Музея-архива русской культуры в Сан-Франциско

для Русской Жизни

Несколько месяцев назад меня попросили сделать подборку материалов об истории знамени Симбирского кадетского корпуса. Возможно, не все знают, что это знамя – одно из трех знамен кадетских корпусов Российской Империи, сохранившихся до наших дней, – находится в Сан-Франциско.

Я попыталась восстановить историю максимально точно, хотя не на все вопросы нашлись ответы. Для исследования были использованы документы, воспоминания и публикации в периодических изданиях, которые хранятся в архиве Музея русской культуры в Сан-Франциско.

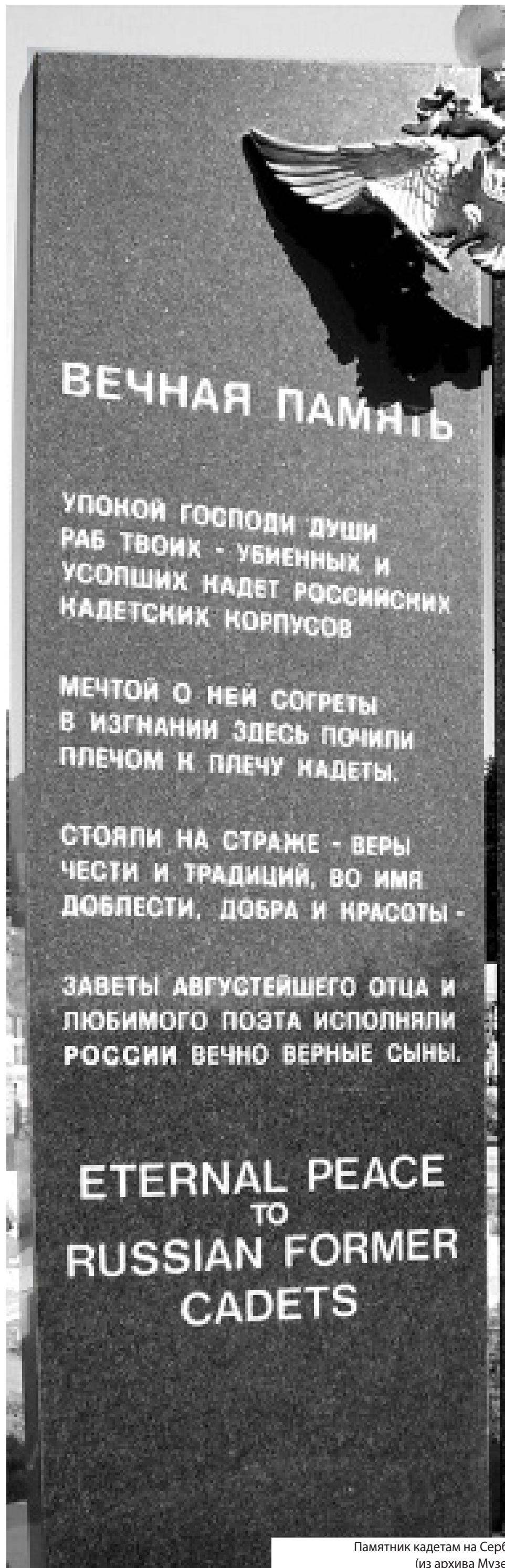
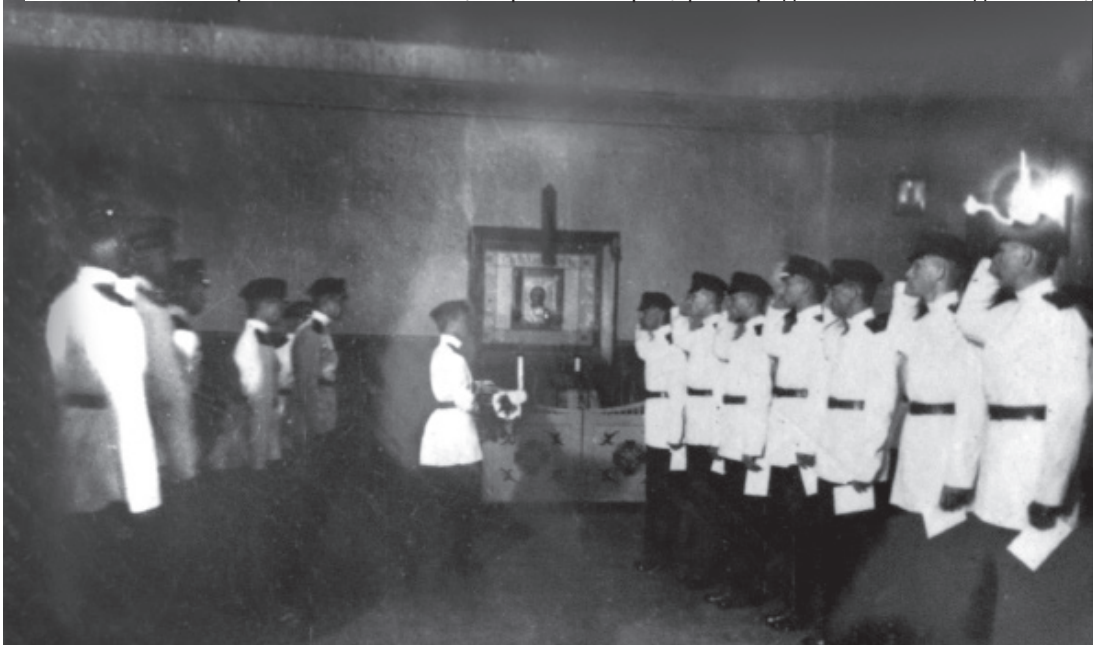
Знамя симбирцев несколько раз стояло на пороге гибели или поругания, но каждый раз избегало горькой уча-

сти. Одна из участниц его спасения – игуменья Эмилия, в миру Евгения Викторовна Свирчевская-Овтрахт, – видела в этом Промысел Божий. С этим нельзя не согласиться – у кадетского знамени необыкновенная судьба: под ним шли в бой Белые Воины Добровольческой Армии, знамя служило Запрестольной иконой Русского кадетского корпуса в Сараево (Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев), объединяло кадет разных корпусов.

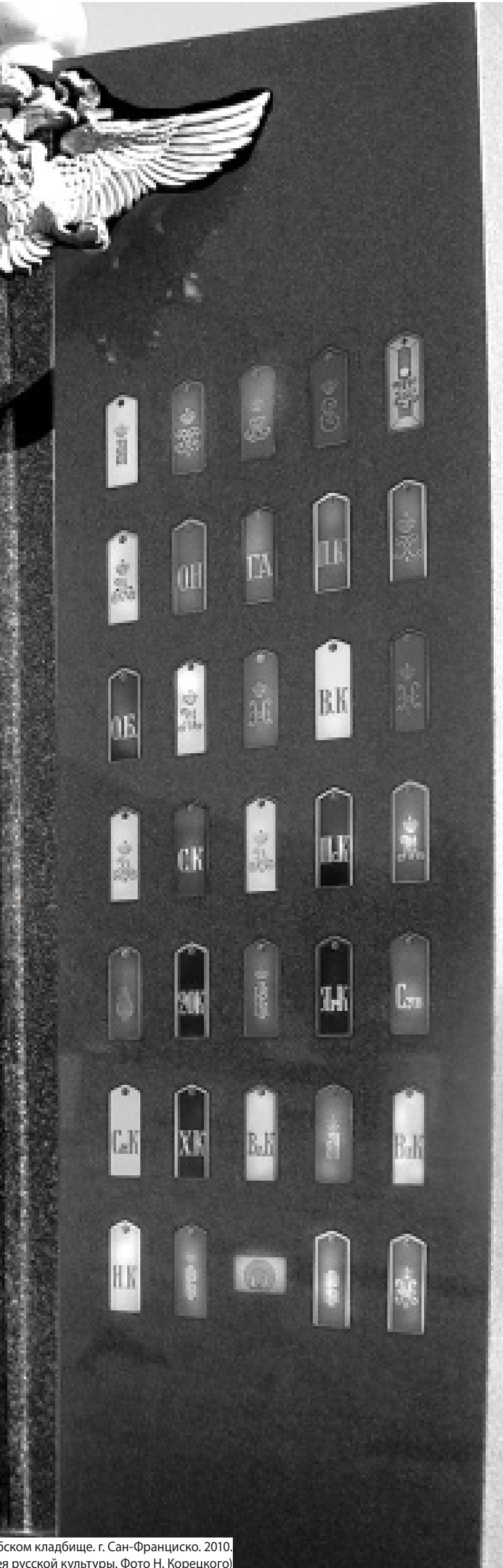
Весной 1917 года вы-

шел приказ Временного правительства о передаче всех императорских знамен в Петроград. Известно, что позже собранные знамена были эвакуированы в городской собор Ярославля, который летом 1918 года при подавлении мятежа эсеров сгорел. Сгорели и знамена. К счастью, начальством Симбирского кадетского и эвакуированного в 1914 году в Симбирск Полоцкого кадетского корпусов приказ был проигнорирован. Таким образом, избежав печальной судьбы, Сим-

Построение кадет Русского кадетского корпуса около Симбирского знамени (в киоте). г. Сараево. [1921-1929 гг.] (из архива Е. Корбе, фото предоставлено И. Подваловым)

Памятник кадетам на Сербе (из архива Музея)

Симбирское знамя в корпусном музее. г. Белая Церковь. [1931].
(из архива Музея русской культуры в Сан-Франциско)

бирское и два Полоцких продолжали оставаться в корпусной церкви.

Второе спасение знамён произошло после большевистского переворота.

В последние несколько лет этой истории было посвящено немало статей в российской прессе. В этих статьях речь шла о похищении кадетами своих знамён в Симбирском корпусе. Удивляет формулировка "Похищено". У самих себя? Удивляет и противоречивость многочисленных версий "похищения". Сравнительный анализ текстов показал, что журналисты читали либо книгу Г. Ишевского "Честь" (1956 г.), либо статью Н. Голеевского "Три знамени" в журнале "Военная быль" (январь 1960 г.). Не трогая других источников, они зачастую переписывали друг у друга, добавляя что-то от себя.

Книга выпускника Симбирского корпуса 1910 года Г. Ишевского «Честь» является скорее литературным произведением, нежели историческим. Сам автор в примечании отметил, что не владел всей информацией, а только хотел отметить сам факт спасения знамён.

Одним из самых достоверных источников являются воспоминания кадета-симбирца Н. Голеевского, который принимал непосредственное участие в выносе знамён. В статье "Три знамени" он пролил свет на эту историю.

В марте 1918 года Симбирский кадетский корпус был оккупирован красными: у входных дверей и церкви поставили часовых, в швейцар-

ской – главный караул с пулемётами, а в столовой – караул из 5-ти красноармейцев. Преподаватель математики полковник Царьков сообщил кадетам 7-го класса 2-го отделения, что знамена приказано сдать. Решение было принято сразу: "Знамёны не сдадим!" По всем правилам военной тактики и стратегии в кратчайшие сроки был разработан план.

Н. Голеевский пишет: "Мне и еще пяти моим одноклассникам поручается отвлечь внимание караула и часового у церкви...". Кадеты А. Пирский, Н. Ипатов, К. Россин и Качалов открыли дверь, вошли в церковь, сняли знамена с древков и спрятали в деревянные кадушки с пальмами. Уже на следующий день пропажа была выявлена. После завтрака начался обыск, чекисты перевернули вверх дном все помещения корпуса, но, к счастью, заглянуть в кадки не догадались. Кадеты понимали, что обнаружение знамён – это только вопрос времени, их необходимо вынести из здания. Прапорщик Петров, кадет предыдущего выпуска, решил взять их на хранение. Тут же встал вопрос, как вынести? Голеевский пишет: "Решили идти на "Ура" – быстрота и натиск". Толпа кадет, окружив троих со знаменами за пазухами, сметая все на своем пути, выскочила на улицу. Отдав знамена Петрову, возвратились обратно. На все вопросы – один ответ: "Воздухом подышать захотелось."

Шло время, но большевики никак не могли уgomониться и требовали вернуть знамена. Допросы преподавателей ничего

не дали, начались аресты. Несколько офицеров-воспитателей отправили в тюрьму. Тогда кадеты А. Пирский, К. Россин и Качалов решили сознаться в том, что это они украли знамена, а кадет Н. Ипатов после расформирования Корпуса увёз их домой в Маньчжурию.

Кадет отправили в тюрьму, воспитателей отпустили. Большевики устроили над мальчишками суд народно-революционного трибунала, который проходил, как ни странно, открыто и с присяжными. Защитником выступил известный адвокат М.А. Малиновский. Кадет признали невиновными... «Седьмая кадетская памятка» и другие источники утверждают, что кадеты были расстреляны, однако, известна судьба двоих кадет после суда: Н. Голеевский вместе с К. Россиным и Качаловым вступили в ряды Белой Армии.

Но без жертв все-таки не обошлось. Через несколько дней после суда банда матросов ворвалась в дом М. А. Малиновского, арестовала его и председателя Окружного суда А.А. Полякова, повела куда-то и по дороге расстреляла обоих. К счастью, М.А. Малиновский выжил.

Итак, знамёна были переданы на хранение прапорщику Петрову. Почему Петров передал их Е.В. Свирчевской-Овтрахт и почему она со знаменами пробиралась в занятый большевиками Царицын для Н. Голеевского осталось тайной. В операции участвовали около 30-ти человек и, вероятно, некоторые этапы операции были известны лишь очень узкому кругу спасателей.

Симбирское знамя в корпусном музее. г. Белая Церковь. [1931].
(из архива Музея русской культуры в Сан-Франциско)

Через полтора года после публикации статьи Н. Голеевского "Три знамени", в мае 1961 г. в редакцию журнала "Военная быль" пришло письмо Б.И. Сверчкова. Оно было опубликовано под названием "К статье Н.Н. Голеевского "Три Знамени". Б.И. Сверчков пишет, что познакомился с Е.В. Свирчевской-Овтрахт – игуменьей на покое в женском монастыре Ново-Дивеево. По его словам, она приехала в Симбирск из Петрограда после Февральской революции вместе со своим вторым мужем и сыном Вадимом, кадетом Первого кадетского корпуса. Сын продолжил учёбу в Симбирском корпусе. Весной 1918 года Вадим с двумя другими кадетами принёс домой два знамени: Симбирского и Полоцкого корпусов. Имена этих кадет мать Вадима забыла.

По моему мнению, одним из них был Борис Короткий – кадет Полоцкого кадетского корпуса, который позднее, уже в Сараево, был досрочно произведен в вице-унтер-офицеры за участие в спасении Симбирского и Полоцкого знамен. Другим, мог быть прапорщик Петров.

Евгения Викторовна вспоминала, что кадеты просили передать знамена генералу Врангелю, который тогда, по слухам, подходил к Царицыну. Вот и ответ на вопрос Голеевского – почему именно этот город был выбран кадетами.

Е.В. Свирчевская-Овтрахт спрятала знамена в подушку и, оставив в Симбирске мужа и сына, отправилась в Царицын. Она с риском для жизни пробиралась по территории, захваченной большевиками, подверглась нескольким обыскам, но никто не обратил внимания на подушку.

На рассвете 19-го июня 1918 года Армия генерала Врангеля заняла город, и Евгения Викторовна вручила знамена полковнику Мамонтову в Штабе Армии. За этот подвиг Е.В. Свирчевская-Овтрахт была награждена Георгиевской медалью 4-ой степени самим генералом Врангелем.

Кадетские знамена стали знаменами Добровольческой Армии, некоторые части которой не имели своих собственных, объединили кадет, юнкеров, офицеров и гражданских в борьбе против большевиков. Зачастую они развивались над цепями Белых во время психических атак. Знамена стали настоящими боевыми, политыми кровью тех, кто отдал свои жизни за освобождение

России от красной чумы.

Оба знамени были эвакуированы с Армией генерала Врангеля и в 1920 году переданы только что основанному в г. Сараево Русскому кадетскому корпусу. С 22 сентября 1921 года до сентября 1929 года Симбирское знамя служило Запрестольной иконой. При переезде Корпуса из г. Сараево в г. Белая Церковь ему отвели почетное место в Корпусном музее. И опять Симбирскому знамени повезло. Если бы его передали в г. Белград, то оно было бы вывезено в качестве трофея в СССР, что случилось со знаменами и штандартами царской армии, хранившимися в русском храме Святой Троицы.

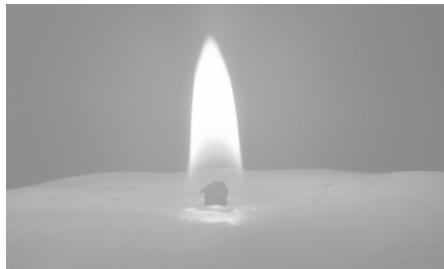
В 1951 году русский священник перевёз Симбирское знамя из титовской Югославии в "свободный город Триест", находившийся в англо-американской зоне. Затем оно было переправлено в США.

13 ноября 1959 года Симбирское знамя прибыло в Сан-Франциско и было передано Общекадетскому объединению, созданному в 1951 году. Тогда в Сан-Франциско бывшие кадеты 1-го Сибирского Императора Александра I кадетского корпуса и кадеты других корпусов объединились, следуя принципу, что «погоны у кадет разные, но душа одна» (А. Марков).

Встречали знамя 13 симбирских кадет. В газете "Русская Жизнь" от 28-го ноября 1959 года была опубликована статья Г. Ишевского "Спас Нерукотворенный", посвящённая этому событию. Имен, к сожалению, он не назвал; но среди присутствующих должен был быть Н. Голеевский, тот самый кадет, который принимал участие в спасении знамени в далёком 1918 году, а потом поведал об этом в статье "Три Знамени".

Знамя Симбирского корпуса сплотило кадет разных корпусов и в Сан-Франциско, как когда-то в Югославии. До начала 1980-х годов его доставляли в Русский центр на ежегодный праздник Общекадетского объединения в день Святителя Николая, 19 декабря.

Теперь Симбирское знамя является собственностью Общества Российских Кадет и Ветеранов Великой Войны в Сан-Франциско. Реликвия временно выставлена в Кафедральном Соборе Пресвятой Богородицы Всех Скорбящих Радости, а принадлежит всем кадетам – живым и тем, кто покоится на Сербском кладбище. **РЖ**

О Великом Посте и Пасхе

ЖИЗНЬ АРЕНЫ

И. Бунин

Когда и как приобрел я веру в Бога, понятие о Нем, ощущение Его? Думаю, что вместе с понятием о смерти. Смерть, увы, была как-то соединена с Ним (и с лампадкой, с черными иконами в серебряных и вызолоченных ризах в спальне матери). Соединено с Ним было и бессмертие. Бог - в небе, в непостижимой высоте и силе, в том непонятном синем, что вверху, над нами, безгранично далеко от земли: это вошло в меня с самых первых дней моих, равно как и то, что, невзирая на смерть, у каждого из нас есть где-то в груди душа и что душа эта бессмертна. Но все же смерть оставалась смертью, и я уже знал и даже порой со страхом чувствовал, что на земле все должны умереть - вообще еще очень не скоро, но, в частности, в любое время, особенно же накануне Великого Поста. У нас в доме, поздним вечером, все вдруг делались тогда кроткими, смиренно кланялись друг другу, прося друг у друга прощенья; все как бы разлучались друг с другом, думая и боясь, как бы и впрямь не оказалась эта ночь нашей последней ночью на земле. Думал так и я, и всегда ложился в постель с тяжелым сердцем перед могущим быть в эту роковую ночь Страшным Судом, каким-то грозным "Вторым Пришествием" и, что хуже всего, "восстанием всех мертвых". А потом начинался Великий пост, - целых шесть недель отказа от жизни, от всех ее радостей. А там - Страстная неделя, когда умирал даже Сам Спаситель ...

На Страстной, среди предпраздничных хлопот, все тоже грустили, сугубо постились, говели - даже отец тщетно старался грустить и говеть, - и я уже знал, что в пятницу поставят пред алтарем в рождественской церкви то, что называется плащаницей и что так страшно - как некое подобие гроба Христа - описывали мне, в ту пору еще никогда не видевшему ее, мать и нянька. К вечеру Великой субботы дом наш светился предельной чистотой, как внутренней, так и внешней, благой и счастливой, тихо ждущей в своем благообразии великого Христова праздника. И вот праздник, наконец, наступал, - ночью с Субботы на Воскресенье в мире совершался некий дивный перелом, Христос побеждал смерть и торжествовал над нею. К заутрене нас не возили, но все же мы просыпались с чувством этого благодетельного перелома, так что, казалось бы, дальше не должно было быть места никакой печали. Однако она даже и тут была, даже в Пасхе. Вечером в тихих и розовых весенних полях слышалось отдаленное, но все приближавшееся и всеповторявшееся с радостной настойчивостью: "Христос Воскресе из мертвых" - и через некоторое время показывались "Христоносцы", молодые мужики без шапок и в белых подпоясках, высоко несшие огромный крест, и девки в белых платках, - эти несли в чистых полотенцах церковные иконы. Все шло с торжествующим пением, входили во двор и, дойдя до крыльца, радостно и взвол-

нованно, с сознанием чести честью завершеного дела, замолкали, затем братски, как равные с равными, целовались со всеми нами мягкими и теплыми, очень приятными молодыми губами и осторожно вносили крест и иконы в дом, в зал, где в тонком полусвете весенней зари мерцала в главном углу лампадка, и ставили иконы на сдвинутые под лампадку столы, на новые красивые скатерти, а крест в меру с рожью. Как прекрасно было все это! Но, увы, было и грустно и жутко немного. Все было хорошо, успокоительно, лампадка в весеннем чуть зеленеющем сумраке горела так нежно, миротворно. А все-таки было во всем этом и что-то церковное, Божественное и потому опять соединенное с чувством смерти, печали. И не раз видел я с каким горестным восторгом молилась в этот угол мать, оставшись одна в зале и опустившись на колени перед лампадкой, крестом и иконами...

О чем скорбела она? И о чем вообще всю жизнь, даже и тогда, когда, казалось, не было на то никакой причины, горевала она, часами молилась по ночам, плакала порой в самые прекрасные летние дни, сидя у окна и глядя в поле? О том, что душа ее полна любви ко всему и ко всем и особенно к нам, ее близким, родным и кровным, и о том, что все проходит и пройдет навсегда и без возврата, что в мире есть разлуки, болезни, горести, несбыточные мечты, неосуществимые надежды, невыразимые или невыраженные чувства - и смерть...